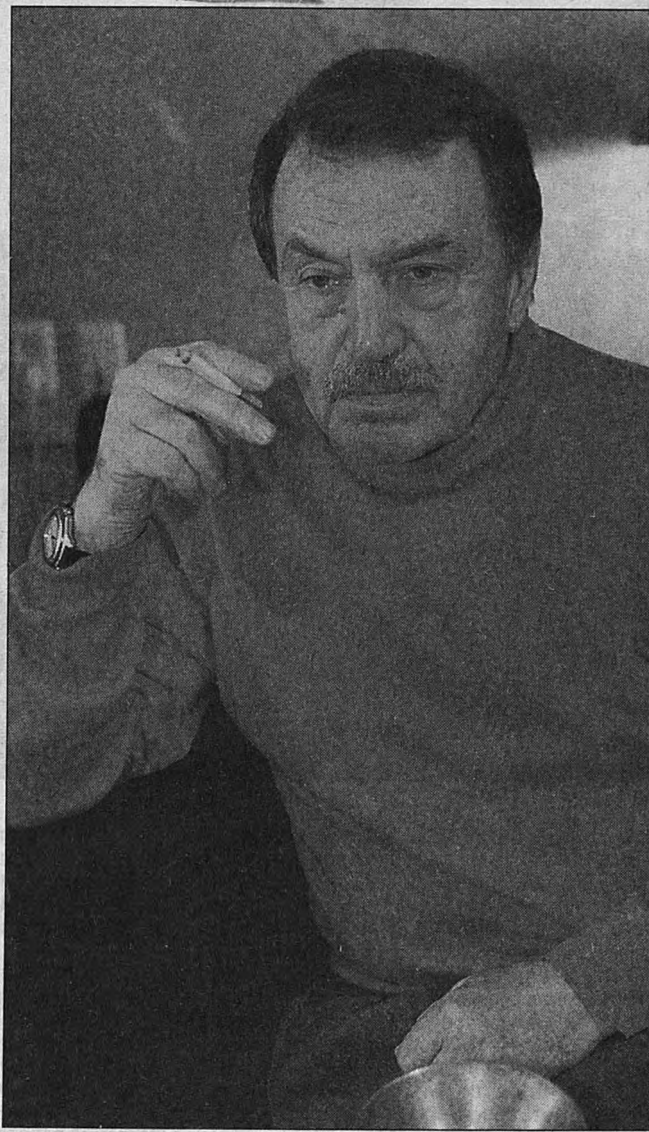


Курица не птица, Биарриц

Новые Известия. - 2002. -
18 июля. - С. 7.

не заграница

В Москве в клубе «Дума» состоялась
встреча с Василием Аксеновым



Охота к перемене мест свойственна русским писателям.

С Аксеновым беседовать всегда приятно, хотя бы для того, чтоб вспомнить добрую интонацию русской речи без малейшей примеси агрессии. Такая речь давно умерла и стала редкостью, как мхатовский говорок или безупречно чистая интонация Вертинского после возвращения из эмиграции.

Интонация эта так контрастировала со всем, что происходило и происходит, что писатель смотрелся, как житель инопланетной цивилизации. К тому же где-то в середине выступления он возьми да и скажи, что «Африку надо спасать, сама она не подымется». Тут уж и я не смог сдержать смех. Помните, у Галича: «У них первый был вопрос – свобода Африке. А потом уж про меня в разделе «Разное». Слава Богу, писатель все понял правильно и на всеобщий смех не обиделся. Беседа получилась в меру трогательная, в меру смешная, в меру грустная. Отдав более 20 лет преподаванию в университете, Аксенов покидает кафедру и США. «Когда-то надо прекращать быть преподавателем и всех учить». Так-то это так, но скажу по себе: отказать добровольно от преподавания так же трудно, как добровольно уйти со сцены. Причины должны быть очень и очень веские, и в ходе беседы они открылись. Образ русского человека в США уже сложился. Это узколобый мафиози, отмывающий теневой капитал. Русские угрюмы и скучны. «Поколебить или развеять этот образ невозможно». Он сложился, как причудливый гибрид из романов Достоевского и нынешних газетных страшилок. Однажды Аксенов веселился в своей компании на свежем воздухе.

– Вы какой национальности? – поинтересовалась американка.

– Мы – русские.

– Странно, а звучите не как русские.

В общем, русские умирают, но не смеются. Ведь именно так мы выглядим во всех американских фильмах. Ну а как выглядят в наших фильмах американцы, об этом лучше не вспоминать.

Аксенов покидает Америку с трудно скрываемой обидой. Это чувствуется и по интонации, и по сути. Интерес к русской литературе стремительно падает. Один за другим закрываются русские семинары. Как в России, так и в США безжалостно вычеркиваются из образовательных программ часы по русской литературе. Самые продвинутые интеллектуалы знают о существовании Ахматовой и о «Докторе Живаго». В США в упор не видят русский Серебряный век, знать не знают о русском модернизме и ничего не хотят знать о постмодернизме. В России дело обстоит точно так же. Правда, знают имена Гумилева, Ахматовой и Цветаевой да смутно помнят, что был такой Маяковский.

Аксенов переехал на французский курорт Биарриц, где, по его словам, еще Набоков в детстве «заразился педофилией». Аксенову сия зараза уже не грозит, и потому он приглядел себе домик на побережье, не слишком дорогой и не самый дешевый. Там он будет работать, а в России жить.

На вопрос о Сорокине и акции «Идущих вместе», писатель ответил, что лидер этой организации по своим речам и взглядам «похож на гитлерюгенда», и в то же время этот странный деятель говорит, что «главные враги – это фашизм, коммунизм и антисемитизм». Странная гремячая смесь всего со всем. Так что возвращение к тоталитаризму и к комиссии по выезду ЦК КПСС маловероятно, «хотя не исключено», а вот «новый затяжной маразм», судя по последним эпизодам, вполне возможен. Кто-то спросил, не скучает ли Василий Палыч по былой славе. «Какая слава? За все советское время я ни разу не выступал по телевизору. Никто не знал, как я выгляжу, а сейчас хватают за руки и тащат в ресторан, где четыреста сортов водки. Однажды в советские времена мой приятель шел со своей девушкой по бульвару.

– Смотри, вот стоит человек, похожий на героев Аксенова, – заметила девушка.

– Знакомся – Аксенов, – сказал приятель. Так что, Бог с ней, с этой советской славой»...

Сегодня никто не поймет ужас тех времен. Даже те, кто в то время жил, забыли все, что можно забыть. Но у Аксенова, слава Богу, отличная память. Я не удивлюсь, если окажется, что самая главная вещь Аксенова еще не написана. Биарриц – прекрасный уголок и к России поближе.

Константин КЕДРОВ, «Новые Известия».